

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА УРВАНЦЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7230-4834; naturv@mail.ru

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ СКАЗОВ В. И. ПУЛЬКИНА «МЕДНЫЙ ВЕРШНИК»

А н н о т а ц и я . Исследование посвящено анализу фольклорных традиций в сказах В. И. Пулькина «Медный вершник». Целью статьи является сравнительный анализ двух сказов, имеющих одинаковое название, которые публиковались в 1972–2003 годах. Актуальность обусловлена недостаточной изученностью произведений писателя. Отсутствие работ, посвященных анализу «Медного вершника», подтверждает научную новизну исследования и определяет его теоретическую и практическую значимость. Объектом исследования являются сказы В. И. Пулькина «Медный вершник», а также его фольклорные источники – исторические предания о Петре I, записанные на территории Олонецкой губернии и в Карелии. Предмет исследования – фольклорный аспект прочтения произведений. В статье использовались историко-литературный и сравнительно-сопоставительный методы исследования. Сюжеты двух сказов отличаются друг от друга. Использование исторических преданий, сказок, пословиц, загадок, комплекс фольклорных мотивов, изобразительно-выразительных средств свидетельствуют о влиянии устной народной традиции на художественную структуру «Медного вершника». Выявление фольклорной природы произведений писателя открывает новые возможности для прочтения его произведений.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Виктор Пулькин, фольклор, предания, литература, Петр I

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-09-42034 «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии». Выражаю искреннюю признательность кандидату филологических наук, старшему научному сотруднику сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН А. М. Петрову за консультации и дружеские советы.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Урванцева Н. Г. Фольклорные источники сказов В. И. Пулькина «Медный вершник» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 90–98. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.889

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время исследователи стали часто обращаться к вопросу взаимодействия двух художественных систем – фольклора и литературы в творчестве петрозаводского писателя В. И. Пулькина (1941–2008) [2], [4], [5], [6], [7], [8]. Освоение народных традиций писателем происходило в 1969–1985 годах, когда он вместе с фольклористом, научным сотрудником сектора фольклора Института истории, языка и литературы КарНЦ РАН Н. А. Криничной участвовал в фольклорных экспедициях на территории Карелии. Основой для многих сказов, написанных вместе со своим соавтором Н. А. Криничной, стали предания, легенды, сказки и анекдоты. В сборниках «Кижские рассказы» (1973), «Медный вершник» (1988), «Чаша мастера» (1990), «Царские персты» (2002) содержатся «литературные пересказы» [2:

206] преданий о Петре I. Рассказы В. И. Пулькина об императоре практически не изучены. Существует только две статьи А. М. Петрова, в одной из которых проанализирован цикл «Петровская слобода» [5], а в другой – сказ «Лазоревый камзол» и его фольклорные источники – предания о Петре I и вытегорах [6]. В связи с этим статья восполняет лауну в изучении данного произведения.

В период с 1972 по 2003 год семь раз были опубликованы два сказа В. И. Пулькина «Медный вершник». В 1970-е годы писатель работал над первым сказом (публикации 1972 и 1973 годов). Годы работы над вторым – 1980-е – начало 2000-х (публикации 1986, 1988, 2002 и 2003 годов). В 1972 году сказ «Медный вершник»¹ впервые опубликовал известный теоретик литературы П. Г. Антокольский в виде приложения

к своему очерку «Медный всадник»², в котором он рассмотрел образ Медного всадника в Петербургском тексте русской литературы. Критик познакомился с писателем, который показал ему сказ и неопубликованные записи преданий, «сделанные в самые последние годы со слов глубоких стариков – хранителей традиции, знатоков местного своеобразного говора»³. В 1973 году «Медный вершник» вошел в сборник «Кижские рассказы»⁴ и помещен в разделе «Тястенники»⁵. Две публикации сказа были сделаны в 1986 году: в журнале «Нева»⁶ в рубрике «Командировка» и в журнале «Вокруг света»⁷ в рубрике «Мифы, сказки, легенды». В 1988 году вышла книга «Медный вершник: Сказы о Петре Первом»⁸ в соавторстве с Н. А. Криничной, в которой был опубликован одноименный сказ. В 2002 году он помещен в сборник «Царские персты: Сказы о Петре Великом»⁹. «Медный вершник» посвящен памяти П. Г. Антокольского. В следующем году сказ можно было прочитать в журнале «Народное творчество»¹⁰ в рубрике «Были-небыли».

СКАЗ В. И. ПУЛЬКИНА «МЕДНЫЙ ВЕРШНИК» 1970-х ГОДОВ

Предания о Петре I как источники первой версии «Медного вершника»

В начале сказа В. И. Пулькина «Медный вершник» 1972 и 1973 годов упоминается предание «Петр I – кум» (или, как его иногда называют фольклористы, «Серебряная чарка Петра Великого»). Впервые его опубликовал в 1838 году друг М. Ю. Лермонтова Святослав Афанасьевич Раевский (1808–1876) в газете «Олоонецкие губернские ведомости» (далее ОГВ)¹¹, находившийся в 1837–1839 годах в Петрозаводске в ссылке за распространение стихотворения «Смерть поэта»¹². Предание о кумовстве царя с подданными записывали также Г. С. Епифанов, Е. В. Барсов, В. А. Дашков, архиепископ Игнатий (М. А. Семенов), В. Н. Майнов, В. П. Мегорский¹³. Его часто перепечатывали в «ОГВ»¹⁴, в центральных периодических изданиях («Древняя и новая Россия», «Мирской вестник», «Дело»), а также в книгах и сборниках. Н. А. Криничная и В. И. Пулькин хорошо знали этот сюжет. В 1960–1980-х годах они записали его варианты в фольклорных экспедициях¹⁵.

В предании «Петр I – кум» выделяются сюжетобразующие мотивы пожалования, одаривания царем своих подданных (М-4з) и кумовство царя с подданными (М-9)¹⁶. Петр I был крестным крестьянского ребенка и подарил серебряную чарку,

из которой пил анисовую водку, куме (родителям новорожденного и др.).

Фольклорной основой первой версии сказа В. И. Пулькина «Медный вершник» стало карельское предание «Петр Первый и чудесный конь». В нем используется традиционный мотив добывания чудесного коня (1525 В)¹⁸, добывания коня вождем / царем (М-3), характерный для структуры сюжетов былинного эпоса, волшебной и бытовой сказки. В 1945 году фольклорист В. Я. Евсеев зафиксировал это предание от Н. А. Терентьева¹⁷. Петр I узнал о том, что в Финляндии имеется чудесный конь, и захотел его приобрести. Работая у финского князя конюхом, он подслушал, что на нем никто не может ездить. Царь добывает коня благодаря ловкости и хитрости. Император «на нем умчался и в Питер прискакал, и еще теперь он там около реки верхом на нем сидит» (Северные предания: 154).

Сказ «Медный вершник» 1972 и 1973 годов

Повествование идет от лица рассказчика-повествователя. Начало сказа насыщено топонимами: Шуньгская ярмарка, Поморье, Кижы, Лижма, Кяппесельга и Ленинград. Рассказчик вспоминает о походе Петра I в 1702 году по Осударевой дороге: «Да ведь осударь в наших местах бывал. Корабли тащил по дремучим лесам, вплавь в водопады пускался» (Кижские рассказы: 66).

Для привлечения внимания и установления связи между слушателем в начале «Медного вершника» рассказчик упоминает о царской чарке:

«А на самой околице у дороги, что на Кяппесельгу, дед живет в маленьком домике. <...> Кубок-чашечку такую берет старик из поставца, а на нем узор будто старинный. “Царская! Великого Петра!” Выпьет и обратно поставит. Она ему от отца досталась, а отцу от деда» (Кижские рассказы: 229–230).

В сказе появляется описание внешности императора, которого не было в исторических народных преданиях:

«Нрав его был веселый и буйный – такой, что ленивого с места стронет, а с работником – будь ты хоть самый простой плотник – по чарке выпьет, деревенским рыбником закусит, чарку царскую на память оставит» (Кижские рассказы: 66–67).

«Из-под кряжика идет меж рябин добрый молодец. Лицо круглое, безбородое – только усики черные... Видать, холостой ещё. Подошел, приветно поздоровался с мужиком <...>» (Кижские рассказы: 67).

Петру нужен «могучий крестьянский конь», потому что, по его словам, «ни один конь под моей рукой не устоял, ни один меня не держит» (Кижские рассказы: 67). Мужик говорит,

что «конь не продажный» (Антокольский: 229)¹⁹. «Сам я Бурушку выходил, из-под матки жеребеночком взял, в шапке домой принес» (Кижские рассказы: 67).

В предании, записанном А. Д. Георгиевским, слуги воруют коня у мужика. В сказе В. И. Пулькин отсутствует фольклорный мотив воровства. Царь сам добывает чудесного кижского коня. Для его получения император должен отгадать две загадки мужика:

«Перво: отчего это у меня борода черная, а голова белая?.. Ишо: работаем это мы с Бурушкой, работаем, а как хлеб поспеет, отжин-то отгуляем, тут я урожай на три части и делю! Первое дело – долги отдам, второе дело – в долг ссужу, третье – в воду смечу!» (Кижские рассказы: 68).

Автор использовал в «Медном вершнике» фольклорный мотив «Трудная задача и ее решение». В выполнении определенных задач (загадок) можно увидеть связь с традиционной волшебной сказкой, когда герой, добиваясь определенной цели, совершает ряд подвигов (отгадывает загадки). В свою очередь император попросил отгадать мужика, кто он. Мужик, «хитрой человек», узнал императора еще на пашне, но не подал виду и называл его сначала «добрым человеком», «солдатом», «служивым».

«Нет, ты осударь Великий Петр! – усмехнулся мужик. – Я тебя сразу опознал...» (Антокольский: 230).

«Нет, ты осударь Великий Петр! – говорит мужик, хитрой человек. – Я тебя сразу опознал...» (Кижские рассказы: 68).

Крестьянин дарит богатырского коня императору. «Ты Бурку приметил, да и сам ему по нраву пришел». «Ну, вот пахоту отпашу – и езжай!..» (Кижские рассказы: 68).

Автор показывает быт мужика, его избу. Пословицы служат средством речевой характеристики крестьянина: «Каждый зять сам любит взять!» (Антокольский: 230), «Каждый зять сам ладит взять!» (Кижские рассказы: 68)²⁰. В речи императора тоже появляются пословицы. Обращаясь к мужику, он говорит: «Чем завираться, лучше молча почесаться» (Кижские рассказы: 68)²¹, «Лошадь человеку крылья!..» (Кижские рассказы: 68)²². На что крестьянин отвечает ему: «Возит воду, возит и воеводу!» (Кижские рассказы: 68)²³. Из его речи мы узнаем о заонежском обычае отпускать бороду после свадьбы: «Бороду-то у нас в Кижях, как женятся, отпускают» (Кижские рассказы: 68).

Впервые в сказе крестьянский конь, «кижский кряжик», появляется в сцене пахоты: «<...> Лошадь, конечно, была не маленькая. Бурушкой звали! Справный такой конишко. Идет себе да идет,

борозду ведет» (Кижские рассказы: 67). Мужик называет коня Бурушка, Бурка. Виктор Пулькин позаимствовал это имя из русской волшебной сказки («Сивка-Бурка») и былины («Илья Муромец и соловей-разбойник», «Добрыня и змей» и др.). Конь Ильи Муромца был бурый и получил прозвище Бурушка²⁴. В репертуаре династии Рябининых-Андреевых бытовали былины «Илья Муромец и соловей-разбойник» и «Добрыня и змей». Былинного коня богатыря Добрыни Никитича зовут Бурушка. В былине «Добрыня и змей» конь Бурушка Добрыни Никитича вместе со своим хозяином сражается со Змеем Горынычем²⁵. У богатыря Дюка Степановича, героя киевского цикла былин, тоже был Бурушка²⁶. В. И. Пулькин как житель Заонежья, работавший много лет в музее-заповеднике «Кижи», был знаком с этими сюжетами.

Имя коня Бурка выражает значение темно-рыжей или темно-красной масти²⁷. При его описании В. И. Пулькин использует эпитеты фольклорного происхождения: «добрый конь» (Кижские рассказы: 67), «верный конь» (Кижские рассказы: 69). Бурка становится верным другом, незаменимым ратным помощником и спутником императора. В былинах и волшебных сказках конь часто выступает в качестве боевого богатырского товарища и спасает своего хозяина от смерти. В рассказе сохраняются стереотипные ассоциации, связанные с этим животным: честность, верность, трудолюбие, смелость, скорость и сила.

Егорий Храбрый (Георгий Победоносец) из русского духовного стиха борется со Змеем²⁸. Конь помогал змееборцу, затапывая врага. Автор использовал в рассказе архаичный мотив змееборчества, распространенный в русском фольклоре (былинах, сказках, заговорах и духовных стихах). С помощью сказочных формул описана честная служба крестьянского коня Петру:

«В битве несметное число пушек метило в осударя-вершника. Ядра конь на свою грудь принимал. Летит Бурка по полю брани, копытом силу вражью разит, хвостом прах метет! Осударь паруса взденет, на корабле плывет в заморские земли. Конь по берегу ходит, волну бьет копытом, море смиряет. Враги по-змеиному, тайно хотят царя уязвить, верный конь тех змей тяжелым копытом топчет!» (Кижские рассказы: 69).

Император очищает русскую землю от «свейских пушкарей» (мотив С «Борьба с антагонистами») с помощью волшебного помощника Бурушки.

На связь сказа с былиной указывает употребление писателем в первой версии «Медного вершника» такого образного языкового сред-

ства, как постоянные фольклорные эпитеты. В. И. Пулькин называет Петра I «добрым человеком», «добрым молодцем»²⁹, коня Бурушку – «добрым конем», «верным конем». Лексическими маркерами былинны выступают лексемы «брусчатые лавки», «косивчатые околени», «сидючи».

Авторское отношение к коню передается с помощью диминутивов: *Бурушка*, *конишко*³⁰. При описании крестьянского быта и утвари употребляются имена существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами *-ечк-* и *-к-*: *чашечка*, *нивка*, *сошка*.

СКАЗ В. И. ПУЛЬКИНА «МЕДНЫЙ ВЕРШНИК» 1986–2003 ГОДОВ

Предание «Конь Петра Великого» как источник «Медного вершника»

Источником второго сказа «Медного вершника» В. И. Пулькина стало предание «Конь Петра Великого», которое записал учитель, этнограф, действительный член Олонецкого губернского статистического комитета Александр Дмитриевич Георгиевский (1854/1855 – после 1916 года), когда он плыл по реке Свирь. Впервые оно было опубликовано в 1899 году в «ОГВ»³¹. В мае 1903 года это предание перепечатали центральные периодические издания – «Санкт-Петербургские ведомости» и «Новое время»³². В дальнейшем текст вошел в монографию В. Г. Базанова «Народная словесность Карелии» [1: 145–146], в сборники, составленные Н. А. Криничной «Северные предания», «Легенды. Предания. Бывальщины»³³ и Б. Н. Путиловым «Петр Великий: Предания. Легенды. Анекдоты. Сказки. Песни», «Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках, песнях»³⁴.

Сюжет основан на народных рассказах жителей Заонежья о коне, который впоследствии послужил «моделью» для отливки первого конного бронзового памятника Петру I. В его структуру входит мотив проявления необычайной физической силы во внешности и характере героя, связанный с образом Петра I [3: 201]. Император

«и вѣсомъ былъ великій, нась троихъ бы онъ на вѣсахъ перетянулъ: кони его возить не могли, проѣдетъ верхомъ версты двѣ, три на конѣ и хотъ пѣшкомъ иди, лошадь устанеть, спотыкается, а бѣжать совсѣмъ не можетъ, а царю ли пѣшкомъ ходить?»³⁵.

Петр I приказал достать для него коня. В Заонежье у крестьянина был такой конь, «что, пожалуй, другого такого и не бывало и не будеть больше: красивый, рослый, копыта съ тарелку были, здоровенный конище, а самъ – смиренство»³⁶.

В предании рассказывается, как зимой два человека хотели купить у крестьянина коня, но он не продал. Весной мужик отпустил коня на ухажье³⁷, и тот пропал. Через два года он узнал от барина, проезжавшего через деревню, что на коне ездит сам император. Мужик пришел в Питер, чтобы вернуть коня. По просьбе крестьянина человек написал прошение царю о воровстве. Через несколько дней он встретился с Петром I на улице, опознал своего Карюшку и по приметам доказал, что это его конь. Справедливый император отпустил мужика домой, дал ему 80 золотых и подарил немецкое платье. Заканчивается предание словами: «<...> въ Питерѣ памятникъ то есть, гдѣ Петръ Великій на конѣ сидить, а конь на дыбахъ, такъ такой точно конь и у мужика былъ»³⁸.

В этой же публикации А. Д. Георгиевского было еще одно предание, названное фольклористами «Каменный всадник», о змее, обвившей ноги коня императора. Оно восходит к петербургским легендам о Медном всаднике. В 1899–1991 годах предание было зафиксировано на территории Олонецкой и Вологодской губерний, в Карелии, Архангельской области, Тверской области и в Западной Сибири³⁹. 23 августа 1970 года Н. А. Криничная и В. И. Пулькин записали еще один вариант от малограмотного Т. Ф. Малыхина в Архангельской области⁴⁰. Писатель не использовал этот текст в «Медном вершнике».

Сказ «Медный вершник» 1986–2003 годов

Второй сказ публиковался в 1986 (2 раза), 1988, 2002 и 2003 годах. Он значительно отличается от сказа 1970-х годов. Сказ 1980-х годов начинается с гиперболизированного изображения физических данных Петра I, которое является средством идеализации положительного героя. Автор рисует былинно-сказочный образ царя.

Георгиевский	«Петръ Великій <...> и вѣсомъ былъ великій, нась троихъ бы онъ на вѣсахъ перетянулъ: кони его возить не могли, проѣдетъ верхомъ версты двѣ, три на конѣ и хотъ пѣшкомъ иди, лошадь устанеть, спотыкается, а бѣжать совсѣмъ не можетъ, а царю ли пѣшкомъ ходить?» (3).
Нева Вокруг света Медный вершник	«Осударь был и ростом велик. Его, сказывают, кони нести не могли. Проедет версты три – и хотъ пеш беги» (Нева: 196, Вокруг света: 46, Медный вершник: 105).
Царские персты	«Его кони нести не змогли. Проедет версты три – и хотъ пеш беги, лошадушку в подводу веди» (135).

В. И. Пулькин сравнивает императора с горой: «Стоит это на бережке Невы-реки. Видит: человек на коне, *как гора* на горе! Кто таков? Великий Петр» (Царские персты: 135).

Медный вершник	Царские персты
«Петр сердится, гремит, как вешний гром. Не любил воров да пьяниц <...>» (105).	«Петр сердится. Сам не любил воров да пьяниц, чужедов. Грозен до них бывал и на расправу лют» (136).

В «Медном вершнике» наблюдается совпадение имени коня крестьянина с фольклорным источником – Карюшко, Карий. Карий – это название лошадиной масти и колоративный эпитет лошади⁴¹.

Император хотел иметь коня под стать себе. В Кижях у мужика был богатырский конь. Как и в фольклорном тексте, появляется внешнее описание коня, отсутствующее в сказе 1970-х годов. Писатель сделал акцент на изображение копыт («копытища с плетеную тарелку – чарушу»), его физической силы («сам могутный»), рост («как стог сена») и характер коня (смирность, ласковость). Текстуальные совпадения с преданием об уникальности Кария есть только в публикации 1988 года в журнале «Вокруг света».

Георгиевский	«А въ нашей губернии, въ Заонежьѣ, былъ у одного крестьянина такой конь, что, пожалуй, другого такого и не бывало и не будетъ больше: красивый, рослый, копыта съ тарелку были, здоровенный конище, а самъ – смиренство» (3).
Нева	«А в Заонежье у крестьянина возрос таков жеребец – копытища с плетену тарелку – чарушу, сам как стог. А смирен, к хозяину ласков, как дитя» (196).
Вокруг света	«А в Заонежье у крестьянина возрос таков жеребец, что другого-иного, пожалуй, и на свете не было. Копыта с плетеную тарелку – чарушу, сам могутный. А уж смирен, к хозяину ласковый, как дитя!» (46).
Царские персты	«А в Заонежье у крестьянина возрос жеребец – копытища с плетену тарелку – чарушу. Сам – что стог. А смирен, к хозяину ласков! Как дитя!» (135).

Как и в фольклорном тексте, здесь появляется мотив воровства. Слуги Петра давали крестьянину большую цену за «доброе коня». «Не продал мужик: “Кормилец семейству”» (Царские персты: 135). Весной крестьянин отпустил «доброе коня» в луга, а тот потерялся.

В публикациях 1980-х годов имеется указание на место жительства хозяина коня: «кижский был, с деревни Мигуры мужик-то» (Вокруг света: 46). В сборнике «Царские персты» писатель официально называет крестьянина «гражданином»: «Кижский он был, мужик-то. Гражданин деревни Мигуры» (Царские персты: 135). В публикациях сказа из журнала «Нева», сборников «Медный вершник» и «Царские персты» имеется информация о профессии крестьянина: «Мы, заонежские, в век в Питер на заработки ухожи. И мужик пошел – плотничать.

Бревна на тес пластать» (Царские персты: 135). Основным местом, куда направлялись отходные крестьяне Олонецкой губернии в поисках заработка, был Петербург. В отличие от фольклорного предания «Конь Петра Великого» в сказе отсутствуют поиски царя в Питере, написание ему прошения о воровстве. Мужик пошел плотничать и увидел Петра I на своем коне. Сцена встречи мужика и коня полна психологизма: «Карюшко, Карий! – зовет. И конь подошел, кижанину голову на плечико кладет» (Нева: 196).

В публикациях 2002–2003 годов более глубоко представлен «очеловеченный образ» коня:

«Карюшко, Карий! И конь подошел. Кижанину голову на плечо положил. *Вздыхнул, будто всхлинул*» (Царские персты: 135). «Пошли мужик да конь. Друг другу *плечьями притулились*. Дошли до перекрестка-росстани. Встали. *Один другому в глаза глядят*. Да и к царю *возвернулись*» (Царские персты: 136).

В. И. Пулькин описывает внешнее проявление эмоционального состояния Петра I, которого не было в других публикациях: «Осударь на коне сидючи, головушку с плечика на плечико перекладывает, изумляется» (Царские персты: 136). Для изображения внешности императора в расказе используются суффиксы субъективно-эмоциональной оценки *-ушк-*, *-ик-*: *головушка*, *усики*, *плечико*.

Крестьянин рассказал царю, что у него украли коня:

«Осударь! – он коня за уздечку берет. – Ведь я при боге и царе белым днем под ясным солнышком вора поймал!» (Медный вершник: 105).

«Твоя милость! – мужик коня за серебряную уздечку берет. – Ведь я при Боге и царе, при ясном солнышке вора поймал! Рассуди!» (Царские персты: 136).

Мужик по приметным насечкам доказал царю, что Карий – это его конь. Император попросил прощения у крестьянина: «Осударь *скраснел*. <...> “Не я увел. Слуги по усердию. За обиду – прости”. С коня слез. Повод отдал» (Царские персты: 136). При помощи глагола эмоционального состояния «скраснел» автор показывает, что царю стыдно за своих верноподданных.

Мотивировка «добычи» коня появляется только в публикациях 2002 и 2003 годов. Конь нужен Петру I, чтобы воевать: «Император задумался: “Где мне коня добыть? На войну ехать...”» (Царские персты: 136). Встреча с царем заканчивается восстановлением справедливости. Крестьянин дарит коня императору, а Петр дает мужику деньги (мотивы М-4и «Одаривание деньгами» и М-18 «Мудрый суд»).

Георгиевский	«Разспросил все у мужика, узнал что у мужика коня украли и ему продали. Отпустил мужика домой, дал ему за коня 80 золотых и еще подарил нѣмецкое платье» (3).
Медный вершник	«“Мне, конечно, пахать, семью кормить, тебе подати платить. Да ведь и у тебя забота немалая: Россию поднимать. Владай конем!” Не восемьдесят ли золотых дал Петр за коня? Или – сто. Да “спасибо” в придачу. Побегал мужик в Заонежье с прибытком» (106).
Царские персты	«Кижанин рассказывает царю Петру: “Мне пахать и сеять. Семью кормить. Подати платить. Да ведь и у тебя забота не меньше моей: Россию поднимать. Владай конем!” Не восемьдесят ли золотых дал Петр за коня. Или – сто! Да “спасибо” в придачу. Побегал мужик на Онего с прибытком» (136).

В «Медном вершнике» 1980-х – 2000-х годов отсутствует змеборческий сюжет. При описании службы Бурки и Кария у царя в сказе 1970-х годов и 2000-х годов имеются текстуальные совпадения. В публикациях 1980-х годов данный фрагмент отсутствует.

Кижские рассказы	Царские персты
Конь Бурка	Конь Карий
«Честно служил Великому Петру крестьянский конь. В битве несметное число пушек метило в осударя-вершника. Ядра конь на свою грудь принимал. Громяхнется ядро – да и летит восвою – обратно» (69).	«Честно служил Петру крестьянский конь. В битвах множество пушек метило в Осударя. Ядра конь на свою грудь принимал. Грохнет ядро о Карюшку – летит обрат» (136).

Публикации сказа 1980-х годов заканчиваются упоминанием о памятнике Петру I. Рассказчик описывает историю, используя местоимение множественного числа «мы». Он говорит от лица заонежских мужиков:

«Мы в Ленинград приедем – наперво на площадь идем, где медный Петр вершником на Карюшке, мужицком коне, сидит» (Нева: 197).

«А мы и теперь, бывает, как приедем в Ленинград, наперво к памятнику приедем. На площадь, где медный Петр вершником на Карюшке, мужицком коне, сидит» (Вокруг света: 48).

«Мы в Ленинград приедем – наперво на площадь идем. Туда, где медный Петр на Карюшке, мужицком коне, сидит» (Медный вершник: 106).

В 2000-х годах автор добавил новый абзац:

«Пришло время – отлили Великого Петра из олонечкой меди искусные мастера. Литейщики тоже, видимо, нашего корня, знаткие. Мало ли на Александровском заводе персон отлито, чугунных решеток для садов и парков, дворцов и храмов. В Питер приедем – детей-внуков навестить – наперво на площадь приедем, где Петр на Карюшке как живой сидит» (Царские персты: 136).

Известно, что на Александровском заводе в Петрозаводске был цех художественного литья, в котором выпускались чугунные решетки, декоративные фигуры, хозяйственная утварь, гири, пуговицы для мундиров чиновников.

В сказах 1970-х и 2000-х годов памятник императору упоминается в начале и в конце:

«Видел, чай, в Ленинграде-то? Там из меди отлит Осударь – вершником, а под копытом у коня змея вьется» (Антокольский: 228).

«В Ленинграде из меди отлит осударь – вершником, а под копытом у коня змея вьется» (Кижские рассказы: 66).

В финале сказа 1970-х годов тема исторической памяти отсутствует. Сообщается только о наличии памятника в Ленинграде: «Так и отлили Петра Великого из звонкой меди искусные мастера вершником на мочучем крестьянском коне!» (Антокольский: 230; Кижские рассказы: 69). В 2000-х годах появляется тема исторической памяти: «В Питере бываем – Петра вспоминаем. Особенно ежели к Медному вершнику на берег Невы придем. Про то у нас в Кижях слышано» (Царские персты: 135). Эта тема усилена во многих сказах сборника «Царские персты». А. М. Петров пришел к аналогичному выводу, проанализировав сказ В. И. Пулькина «Лазоревый камзол» [6: 105].

Рассказчик с гордостью говорит о коне:

«– Наш ведь конь-от Заонежский! – насечки на копыте ищем. – Должна мета быть» (Медный вершник: 106).

«– Наш ведь конь-от! – прилюдно насечку на копыте ищем.

– Заонежский! И должна, робятка, наша мета быть!» (Царские персты: 135).

Элементами фольклорного стиля является использование писателем лексико-семантических (разнокорневой тавтологии) повторов, широко распространенных в русском фольклоре (заговоры, былины, сказки, детские песенки и др.): «Пооревали, поплакали. Да что станешь делать?» (Царские персты: 135; Народное творчество: 51)⁴²; «Дошли до перекрестка-росттани» (Царские персты: 136; Народное творчество: 51).

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ двух сказов В. И. Пулькина «Медный вершник» 1972 и 1973 годов и 1980-х – начала 2000-х годов позволил установить, что это два разных произведения. Второй сказ подвергался литературной переработке на протяжении почти 20 лет. Фольклорным источником первого сказа В. И. Пулькина «Медный вершник» стало предание «Петр Первый и чудесный конь», второго сказа – предание «Конь Петра Великого». Наблюдаются различия в сюжете, композиции, именах (конь Бурушка / Бурка и Карюшко / Карий). В первом сказе император сам добывает коня, во втором – его воруют слуги. В публикациях 2002 и 2003 годов более разработанная композиция, содержатся новые детали о памятнике Петру I, усиливается тема исторической памяти.

Сравнительно-сопоставительный анализ публикаций сказов «Медный вершник» позволяет выявить высокую степень сохранения комплекса

фольклорных мотивов: пребывание исторического лица в конкретной местности (Г-9а), мотив добывания чудесного коня (1525 В), добывание коня вождем / царем (М-3), одаривание деньгами (М-4и), мудрый суд (М-18), мотив проявления необычайной физической силы во внешности и характере героя, воровства, змеборчества, борьбы с антагонистами. Фольклорные элементы как

неотъемлемая часть входят в ткань произведений автора. Заимствуя материал из устного народного творчества, В. И. Пулькин был самостоятелен в разработке сюжета и образов «Медного вершника». Писатель использовал поэтическую систему фольклора, трансформировал ее в соответствии с художественными задачами и создал на ее основе оригинальные произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вёршник – верховой наездник, всадник. (Криничная Н. А., Пулькин В. И. Медный вершник: Сказы о Петре Первом. Петрозаводск: Карелия, 1988. С. 151).
- ² Пулькин В. И. Медный вершник // Антокольский П. Г. Собр. соч.: В 4 т. М.: Худож. лит., 1972. Т. 3. С. 228–230. Далее в круглых скобках будет указано: Антокольский и через двоеточие страницы.
- ³ Антокольский П. Г. Медный всадник // Антокольский П. Г. Собр. соч.: В 4 т. М.: Худож. лит., 1972. Т. 3. С. 228.
- ⁴ Пулькин В. И. Медный вершник // Пулькин В. И. Кижские рассказы. М.: Сов. писатель, 1973. С. 66–69. Далее в круглых скобках будет указано: Кижские рассказы и через двоеточие страницы.
- ⁵ Тястенники – регионально-групповое прозвище жителей Заонежья (Медвеж., Прионеж.), наряду с тэстенники (Медвеж.) (Словарь русских народных говоров / РАН. Ин-т лингвист. исследований; Гл. ред. Ф. П. Сороколетов; Отв. ред. С. А. Мызников; Сост. Н. И. Андреева-Васина и др. СПб.: Наука, 2013. Вып. 46. С. 103–104).
- ⁶ Пулькин В. Медный вершник // Нева. 1986. № 8. С. 196–197. Далее в круглых скобках будет указано: Нева и через двоеточие страницы.
- ⁷ Криничная Н., Пулькин В. Медный вершник // Вокруг света. 1986. № 9. С. 46–48. Далее в круглых скобках будет указано: Вокруг света и через двоеточие страницы.
- ⁸ Криничная Н. А., Пулькин В. И. Медный вершник // Криничная Н. А., Пулькин В. И. Медный вершник: Сказы о Петре Первом. Петрозаводск: Карелия, 1988. С. 104–106. Далее в круглых скобках будет указано: Медный вершник и через двоеточие страницы.
- ⁹ Пулькин В. И. Медный вершник // Пулькин В. И. Царские персты: Сказы о Петре Великом. Петрозаводск: Петриодика, 2002. С. 135–136. Далее в круглых скобках будет указано: Царские персты и через двоеточие страницы.
- ¹⁰ Пулькин В. Медный вершник // Народное творчество. 2003. № 3. С. 51. Далее в круглых скобках будет указано: Народное творчество и через двоеточие страницы.
- ¹¹ Раевский С. Одно из воспоминаний о государе императоре Петре Великом // ОГВ. 1838. № 24. С. 22–23 (Приб. 2); [Серебряная чарка Петра Великого] / [Опублик. С. А. Раевский] // Олонекские воспоминания // Памятная книжка Олонекской губернии на 1860 год. Петрозаводск: Губ. тип., 1860. С. 147–148.
- ¹² Криничная Н. А. Предания Русского Севера / Отв. ред. Ю. И. Юдин. СПб.: Наука, 1991. С. 270–271. Далее в круглых скобках будет указано: Предания и через двоеточие страницы.
- ¹³ Епифанов Г. Заметки об Олонекской стороне // Сын Отечества. 1839. Т. 8. С. 75–76; Описание Олонекской губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях, составленное В. А. Дашковым. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1842. С. 389–391; Игнатий (Семенов М. А.). Воспоминание о пришествиях великого государя Петра Первого в Олонец. 2-е изд. СПб.: Тип. Я. Трея, 1849. С. 71–72; Петр Великий в народных преданиях Северного края, собранных Е. В. Барсовым. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1872. С. 10–11; Майнов В. Н. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб.: Изд. ред. журн. «Знание», 1874. С. 74; Майнов В. Осударева дорога. В Повенецком уезде Олонекской губернии // Древняя и новая Россия. СПб., 1876. Т. 1, № 2. С. 185; Майнов В. Н. Поездка в Обонежье и Корелу. Изд. 2-е, знач. доп. авт. СПб.: Тип. В. Демакова, 1877. С. 39–40 и др.
- ¹⁴ Смесь // ОГВ. 1850. № 8. С. 4; Барсов Е. В. Петр I – святозерский кум (Народные предания в Олонекской губернии) // ОГВ. 1903. № 53. С. 4; Мегорский В. Осударева дорога (библиографические справки) // ОГВ. 1903. № 23. С. 2.
- ¹⁵ Предания... С. 196–197, 270–271; Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подгот. Н. А. Криничная; Отв. ред. С. Н. Азбелев. Л.: Наука, 1978. С. 152–153, 194–195; Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. А. Криничной. М.: Современник, 1989. С. 215–216.
- ¹⁶ Здесь и далее мотивы даются по Указателю типов, мотивов и основных элементов, составленному Н. А. Криничной. См.: Криничная Н. А. Указатель типов, мотивов и основных элементов // Криничная Н. А. Предания... С. 278–294.
- ¹⁷ Карельский фольклор. Новые записи / Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. Я. Евсеева; Под ред. В. Я. Проппа; Ин-т истории, языка и лит. Карело-Фин. науч.-исслед. базы Акад. наук СССР. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1949. С. 158–159 (№ 68); Карельское народное поэтическое творчество: [Сб.] / Акад. наук СССР, Карел. фил. Ин-т яз., лит. и истории; Подгот. и пер. текстов В. Я. Евсеева; [Отв. ред. В. М. Сидельников]. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. С. 267–268; Северные предания... С. 153–154 (№ 219); Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. А. Криничной. М.: Современник, 1989. С. 131–133.
- ¹⁸ Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Изд-е Гос. рус. геогр. об-ва, 1929. С. 89.
- ¹⁹ В варианте рассказа 1973 года это предложение отсутствует.
- ²⁰ Зять любит взять, тещь любит честь, а шурин глаза шурит. См.: Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. Т. 1 / Вступ. слово М. А. Шолохова. М.: Худож. лит., 1989. С. 225.
- ²¹ Чем завираться, лучше молча почесаться. См.: Там же. С. 345.
- ²² Лошадь человеку крылья. См. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 2 т. Т. 2 / Послесл. В. П. Аникина. М.: Худож. лит., 1989. С. 396.
- ²³ Возит воду, возит и воеводу. См.: Там же.

- ²⁴ «И говорил-то онъ таковы слова: / “Ай же ты, мой *бурушко* косматенькой! / Послужи-тко ты мне верою и правдою, / Послужи но старому и но прежнему <...>». Илья Муромец и дочь / Зап. от Т. Г. Рябинина А. Ф. Гильфердинг в Кижях // Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Т. 1 / Под ред. А. Е. Грузинского. Изд. 2-е. М.: Изд. фирмы «Сотрудник школ», 1909. С. 26. Далее в круглых скобках будет указано: Рыбников и через двоеточие страницы. «Так тут старый казак Илья Муромец / Заседлал тут своего добра коня, / А он малого бурушку косматого, / Выезжал в раздольище чисто поле». Илья Муромец и соловей-разбойник / Зап. от П. И. Рябинина-Андреева в д. Гарницы (Заонежье) // Былины: Сб. / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 57. (Б-ка поэта. Большая серия). Далее в круглых скобках будет указано: Былины и через двоеточие страницы.
- ²⁵ «Бьетъ *бурка* промежу уши, / И бьетъ *бурка* промежу ноги, / И промежу ноги, ноги заднія: / И сталь его *бурушко* поскакивать, / Змѣнышевь отъ ногъ онъ отряхивать, / Притопталь онъ всѣхъ до единого». Добрыня и змей / Зап. от А. Е. Чукова А. Ф. Гильфердинг в Кижях // Рыбников: 152. См. также: Добрыня и змей / Зап. от П. Калинина А. Ф. Гильфердинг в д. Горка (Повенец) // Былины: 82.
- ²⁶ «Ты, мой сивушко да й ты мой *бурушко*, / Ты, мой маленькой да й ты косматенькой <...>». Боярин Дюк Степанович / Зап. от И. Г. Рябинина-Андреева // Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева / Науч.-исслед. ин-т культуры Карело-Фин. ССР. Сектор фольклора Ин-та литературы Акад. наук СССР; Подгот. текстов и примеч. А. М. Астаховой; Ст. А. М. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса; Под общ. ред. А. М. Астаховой и В. Г. Базанова. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1948. С. 96. (Б-ка русского фольклора Карелии. Вып. 6).
- ²⁷ Бурый – укр. *бурій*, польск. *burzy* ‘темно-серый’. Названия лошадиных мастей (ср. *карий*, *буланый* и т. п.), как правило, заимств. из тюрк. Заимств. через посредство тур. *bur* ‘рыжей масти’ из перс. *bōg* ‘гнедой, рыжей масти’; ср. др.-инд. *babhūś* ‘рыжевато-бурый, гнедой’ (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1: ок. 4000 слов / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель: АСТ, 2007. С. 249). Бурый, -ая, -ое; бур, -а, -о. Темно-коричневый с красноватым отливом (о масти лошади). *Бурый конь* (Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [Гл. ред. А. П. Евгеньева]. Изд. 3-е, стереотип. М.: Рус. яз., 1985. С. 127). Бурый, -ая, -ое; бур, бурá и б́ура, б́уро. 2. О масти, шерсти: черный с коричневатым отливом. (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А Темп», 2006. С. 64).
- ²⁸ Древнерусская повесть «Чудо Георгия о змие» оказала влияние на устное народное творчество и изобразительное искусство. В христианской иконографии святой Георгий побеждает змея (дракона). Художники О. Чумак и М. Чумак на обложке сборника «Царские персты: Сказы о Петре Великом» изобразили Петра I верхом на коне. В руках у него копье, которым он убивает змея.
- ²⁹ В статье Т. П. Слесарева «Семантика фольклорных эпитетов в былинных текстах» пишет, что «эпитет *добрый* в былинах имеет значение “добротный”, т. е. годный к воинскому подвигу» (Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 122).
- ³⁰ Здесь и далее курсив автора статьи.
- ³¹ Георгиевский А. На пароходе // ОГВ. 1899. № 39. С. 3.
- ³² Санкт-Петербургские ведомости. 1903. 20 мая (№ 135); Новое время. 1903. 15 мая (№ 9767).
- ³³ Северные предания: 145–147; Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. А. Криничной. М.: Современник, 1989. С. 131–133.
- ³⁴ Петр Великий: Предания. Легенды. Анекдоты. Сказки. Песни / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Б. Н. Путилова. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 187–189; Петр Великий: Предания. Легенды. Анекдоты. Сказки. Песни / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Б. Н. Путилова. СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 187–189; Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках, песнях / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Б. Н. Путилова. СПб.: Акад. проект, 2000. 302 с.
- ³⁵ Георгиевский А. Указ. соч. С. 3.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Ухóжье, -я, ср. устар. и обл. – место, где находятся ульи или водятся пчелы. (Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С. 540–541).
- ³⁸ Георгиевский А. Указ. соч. С. 3.
- ³⁹ См. варианты предания: Георгиевский А. На пароходе // ОГВ. 1899. № 39. С. 3; Едемский М. Б. Из кокшеньских преданий (окончание) // Живая старина. 1908. Вып. 2. С. 217; Криничная Н. А. Предания Русского Севера / АН СССР, Карельский фил., Ин-т яз., лит. и истории. СПб.: Наука. Санкт-Петербургское отделение, 1991. С. 219 (№ 417, 418); Карельский фольклор. Новые записи / Под ред. В. Я. Проппа. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1949. С. 158–159; Мисюрева А. А. Меньшиков в Сибири // Сибирские сказки, предания, легенды: Сборник А. А. Мисюрева. Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 1959. С. 119–120; Кузнецов В. В. Георгий Победоносец – Медный всадник: синкретизм образа культурного героя в одном фольклорном тексте // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: Сб. науч. тр. / Под ред. Е. Г. Милюгиной. Тверь, 2018. С. 70.
- ⁴⁰ Предания... С. 219.
- ⁴¹ *Карий* – укр. *карий* ‘черный, темный’, др.-рус. *карий* ‘черный’ (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2: более 4500 слов / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель: АСТ, 2007. С. 199). *Кáрий*, о глазах и о масти конской; *каряя* лошадь, самая темная гнедая, но посветлее караковой; стан почти вороной, и только на ногах заметен буроватый отлив, вдоль спины черный ремень (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. язык – Медиа, 2007. С. 90).
- ⁴² В русской народной сказке «Царевна-лягушка» используется морфологический (корневой) вид повтора: «Поплакал-поплакал, да нечего делать – взял в жены лягушу». (Царевна лягушка // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 2 / Акад. наук СССР; Подгот. текста Л. Г. Бараг и Н. В. Новикова; Отв. ред. Э. В. Померанцева и К. В. Чистов. М.: Наука, 1985. С. 261. (Литературные памятники)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базанов В. Г. Народная словесность Карелии. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. 280 с.
2. Дюжев Ю. И. На грани литературы и фольклора (о прозе В. И. Пулькина) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Материалы междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2005. С. 206–211.
3. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры / Отв. ред. В. К. Соколова. Л.: Наука, 1987. 227 с.
4. Неёлов Е. М. Сказка, фантастика, современность. Петрозаводск: Карелия, 1987. 124 с.
5. Петров А. М. Многоликий Петрозаводск Виктора Пулькина: к проблеме локального текста русской литературы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 29–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.654
6. Петров А. М. Фольклорно-литературные связи в творчестве Виктора Пулькина (на материале рассказа «Лазоревый камзол») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 5. С. 100–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.505
7. Рогощенков И. К. В. И. Пулькин // История литературы Карелии: В 3 т. Т. 3. Петрозаводск: Изд-во ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2000. С. 245–254.
8. Шилова Н. Л. Фольклорная фантастика в «Кижских рассказах» Виктора Пулькина // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. Вып. 4. С. 247–261.

Поступила в редакцию 11.07.2022; принята к публикации 16.01.2023

Original article

Natalya G. Urvantseva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7230-4834; naturv@mail.ru

FOLKLORE SOURCES OF VIKTOR PUL'KIN'S BOOK OF TALES *THE BRONZE HORSEMAN*

Abstract. The study analyzes folklore traditions in the collection of tales titled *The Bronze Horseman* written by Viktor Pul'kin. The purpose of the article is to conduct a comparative analysis of two tales with the same name published between 1972 and 2003. The relevance of the article is due to the insufficient study of the writer's works. The absence of papers that would analyze *The Bronze Horseman* tales confirms the novelty of the study and determines its theoretical and practical significance. The object of the study is the tales from Viktor Pul'kin's book *The Bronze Horseman*, as well as his folklore sources – historical legends about Peter the Great recorded on the territory of the Olonets Province and in Karelia. The subject of the study is the folklore aspect of these works' interpretation. The article uses the literary historical method and the comparative method. The study revealed that the plots of the two stories are different. The use of historical legends, fairy tales, proverbs, riddles, a set of folklore motifs, and various figurative and expressive means testifies to the influence of oral folk tradition on the artistic structure of *The Bronze Horseman*. Revealing the folklore character of the writer's works opens up new possibilities for their interpretation.

Key words: Viktor Pul'kin, folklore, legends, literature, Peter the Great

Acknowledgements. The article was written as part of the project No 20-09-42034 “Peter the Great and his epoch in the historical memory of the peoples of Karelia” under the Russian Foundation for Basic Research grant. The author expresses her sincere gratitude to A. M. Petrov, Candidate of Philological Sciences and the Senior Researcher at the Folklore and Literature Section (with Audio Archive) of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences for his consultations and friendly advice.

For citation: Urvantseva, N. G. Folklore sources of Viktor Pul'kin's book of tales *The Bronze Horseman*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):90–98. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.889

REFERENCES

1. Bazanov, V. G. Karelian folklore. Petrozavodsk, 1947. 280 p. (In Russ.)
2. Dyuzhev, Yu. I. On the edge between literature and folklore (Viktor Pul'kin's prose). *Intercultural interactions in the multiethnic space of the border region: Proceedings of the international research conference*. Petrozavodsk, 2005. P. 206–211. (In Russ.)
3. Krinichnaya, N. A. Russian folk historical prose: Issues of genesis and structure. (V. K. Sokolova, Ed.). Leningrad, 1987. 232 p. (In Russ.)
4. Neyolov, E. M. Fairy tale, fantasy, modernity. Petrozavodsk, 1987. 124 p. (In Russ.)
5. Petrov, A. M. Diverse Petrozavodsk of Viktor Pul'kin: the issue of local text in Russian literature. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):29–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.654 (In Russ.)
6. Petrov, A. M. Folklore and literary connections in the works of Viktor Pul'kin (analysis of the novel *The Azure Jacket*). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(5):100–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.505 (In Russ.)
7. Rogoshchenkov, I. K. V. I. Pul'kin. *History of literature of Karelia: In 3 vols*. Vol. 3. Petrozavodsk, 2000. P. 245–254. (In Russ.)
8. Shilova, N. L. Folk fiction in the “Kizhi Stories” by Viktor Pul'kin. *The Problems of Historical Poetics*. 2016;14:247–261. (In Russ.)

Received: 11 July 2022; accepted: 16 January 2023